

УДК 304.9

DOI: 10.17072/2076-0590-2026-17-13-24

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КРИТИКИ В АДРЕС КУЛЬТУРЫ ПОСТМОДЕРНА

Ю.В. Лоскутов

Кандидат философских наук, доцент

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Пермь, ул. Букирева, 15

yuri-loskutov@mail.ru

Сегодня становится всё более актуальным анализ основных направлений критики в адрес культуры постмодерна, дезорганизующей общество. Прежде всего, эта критика подразделяется на общественно-политическую и философскую. Общественно-политическая критика постмодерна складывается из четырех основных направлений. Первое из них можно охарактеризовать как критику культивируемой постмодерном конформистской невежественности. Второе направление выступает против антидемократических тенденций постмодерна, а третье – против его дегуманизирующих тенденций. Четвертое направление общественно-политической критики постмодерна обвиняет его в повторстве социальному регрессу. Философскую критику в адрес культуры постмодерна и постмодернизма, как господствующей идеологии постмодерна, можно рассматривать в онтологическом, логико-гносеологическом, этическом и социально-прогностическом аспектах. Онтологическая критика при этом основана на принципах тотализации, эссенциализма и субстанциального подхода. С логико-гносеологической точки зрения, в основе постмодерна лежит парадокс лжеца: отрицание метанарративов само становится метанарративом. Истинность научного знания обретает легитимацию благодаря двум основаниям: внешнему, в качестве которого выступает общественно-историческая практика (в ее марксистской трактовке), и внутреннему, в роли которого выступает субстанциальное объяснение. Этическая критика постмодерна оправдана в свете научного рассмотрения заката капиталистического способа производства – сложной саморазвивающейся, человекомерной системы. Гетеронимное утверждение добродетелей противопоставляет себя постмодернистскому этическому произволу. С социально-прогностической точки зрения, формирование нового, не постмодернистского, типа культуры неразрывно связано с формированием нового целостного способа производства. При этом анализ деструктивных установок культуры постмодерна приводит к выводу о том, что преодоление постмодерна является диалектическим снятием Модерна, а не постмодерна как такового.

Ключевые слова: постмодерн, постмодернизм, метанарратив, капитализм, эссенциализм, этика, гуманизм

Введение

Если термин «постмодерн» обозначает текущий период в истории культуры, то постмодернизм является той культурной идеологией, которая преобладает в этот период [1, с. 155]. Сам по себе постмодерн выступает «духом времени» позднего капитализма, обусловленным ключевыми социально-экономическими чертами последнего [2, с. 140–141; 3, с. 181–182, 301–302, 453], причем таким духом, который отрицает предшествующую культуру Модерна (и прежде всего – версию Модерна, связанную с Просвещением [4, с. 54]), временами даже нигилистическим образом. В силу этого сложно дать какое-либо положительное содержательное определение постмодерна или постмодернизма, не связанное с логически отрицательными понятиями. Для постмодернизма характерно отрицание любой субстанциальности, целостности, тотальности в онтологии, гносеологический релятивизм, а также весьма произвольное отношение к этической проблематике.

Постмодернизм, при всей его точности в описании тех или иных частных проявлений культуры постмодерна, вряд ли можно считать теорией постмодерна, так как типичный постмодернизм враждебен традиционному пониманию теоретичности. Наиболее качественное объяснение постмодерна дают те теоретические концепции, которые сознательно дистанцируются от постмодернизма. Такой анализ, осуществляемый «со стороны», носит конкретно-исторический характер, что принципиально отличается от внеисторического подхода самого постмодерна. С позиции конкретно-исторического подхода, постмодерн предстает как стадия разложения Модерна, понимаемого в качестве проекта общественного развития, закономерно следующая за триумфом данного проекта [2, с. 704].

Знаменующий собой переход к постмодерну крах доверия к метанарративам способствует изменению статуса знания в западной культуре [5, с. 10–14]. Ж.-Ф. Лиотар задается вопросом о том, почему именно интеллектуалы детерминируют содержание знания? Иными словами, «вопрос доказательства составляет проблему, заключающуюся в необходимости доказать доказательство» [5, с. 107]. Всеобъемлющие теоретические метанарративы вытеснены из постмодернистской науки локальными языковыми играми [5, с. 154–157], в связи с чем из науки уходит идея обоснования универсальной истины [6, р. 23].

Эта идея уходит также из сегодняшнего общественно-политического сознания. В 2016 году Оксфордский словарь признал словом года «пост-правда» (post-truth). Данный термин, согласно составителям словаря, описывает ситуацию, при которой в процессе формирования общественного мнения эмоциональные призывы и персональные убеждения начинают преобладать над объективными фактами [7, р. 97]. Атмосфера постправды значительно облегчает манипуляции общественным мнением – с точки зрения постмодерниста С. Фуллера, истина оказывается всего лишь «тем, что определяется судьей, полномочным в рассматриваемом деле» [8, с. 58], и потому вопрос об истине Фуллер сводит лишь к вопросу о победе в той или иной языковой игре, правила которой при этом могут меняться на протяжении игрового процесса [8, с. 102–103]. В условиях пренебрежения объективной реальностью возникает сосуществование понятийной рациональности с мифом, равно как и сосуществование взаимоисключающих мифов. Это ведёт к катастрофическому сужению сферы рационализма и опасному росту иррационально-деструктивных тенденций, в том числе: в образовании, здравоохранении, академической науке, управлении экономикой и социальными процессами [9, с. 79]. Указанные тенденции постмодернизм одобрительно называет «шизофренией», причем «под шизофреническим мышлением понимается не столько трансформация сознания в психиатрическом смысле, сколько специфическая девиантность в отношении конвенционально обусловленных стандартов мышления» [10, с. 236]. Умаление рациональной субъектности в онтологии постмодернизма также связано со следующими концептами: «грамма» [11, с. 120, 124], «смерть автора» [12, с. 385], «симулякр» [13, с. 5–7] и «ризом» [14, с. 12–44].

Постмодернизм выступает на практике как один из видов разрушительного духовного оружия, дополняющего военную агрессию Запада [2, с. 91], а потому теоретическое и практическое преодоление культуры постмодерна вообще, как и преодоление постмодернизма в частности, является необходимым условием реального гуманизма в наши дни. Если мы хотим преодолеть культуру постмодерна, то мы должны иметь общее представление о том, по каким направлениям и как именно она критикуется, однако такой анализ до сих пор отсутствует в научной литературе. Критика в адрес культуры постмодерна подразделяется прежде всего на общественно-политическую и философскую критику.

Общественно-политическая критика в адрес постмодерна

Общественно-политическая критика бьет по влиянию постмодерна на социальную жизнь и представляет собой синтез четырех основных аргументов.

Первый удар наносится по конформистскому невежеству, которое насаждает постмодерн. Т. Иглтон саркастично подмечает то, что для постмодернизма «отказ от поиска тотальности – это просто обозначение для отказа от поиска капитализма» [15, р. 11]. Э. Мейксинс Вуд развивает эту мысль: «Применительно к капитализму постмодернистский тезис о том, что реальность фрагментарна и потому доступна лишь фрагментарным "знаниям", оказывается особенно порочным и лишаящим силы. Социальная реальность капитализма "тотализируется" в беспрецедентных формах и степенях. Его логика товаризации, накопления, максимизации прибыли и конкуренции пронизывает весь социальный порядок, и понимание этой "тотализирующей" системы требует именно такого "тотализирующего знания", которое предлагает марксизм и отвергают постмодернисты» [16, р. 13]. В рамках постмодернистского мировоззрения целостные структуры и причинно-следственные связи уступают место разрозненным фрагментам и случайностям. Само понятие социальной системы, обладающей внутренним единством и объективными законами развития (например, понятие капитализма), объявляется несостоятельным. Вместо этого постулируется существование множества разнородных феноменов: типов власти, форм угнетения, идентичностей и дискурсов. Такой подход требует отказа не только от классических «великих повествований» (вроде просветительской веры в прогресс), но и от представления о связанном историческом процессе, подчиненном определенной логике и причинности. Как следствие, утрачивается и сама идея возможности сознательного «творения истории» [16, р. 8]. Отказ от поиска нового общественного синтеза превращает постмодерн в разрушительную силу, умножающую конфликты и риски для человека в мире, где больше нет общих правил [17, с. 66–68].

Второй удар – по антидемократическим тенденциям постмодерна. Обвинение постмодерна в антидемократичности выглядит на первый взгляд парадоксально, ведь постмодерн без устали говорит о терпимости ко всем мнениям. Однако именно такой радикальный релятивизм подрывает основы демократии. Политический плюрализм невозможен без объединяющих общество ценностей, отрицаемых постмодернизмом [16, р. 12]. У постмодернизма просто нет универсальных инструментов для того, чтобы оценить, какие политические силы полезны для общества, а какие – опасны

[6, p. 79]. Как указывает Т. Парфитт, если мы безоговорочно признаём абсолютную ценность всех культур, то мы неизбежно вынуждены принимать и различные специфические формы неравенства и эксплуатации, существующие в тех или иных культурах, включая калечащие операции на женских половых органах, использование детского труда и рабство [6, p. 27].

Третий удар наносится по дегуманизирующим тенденциям постмодерна. С точки зрения А.А. Трунова, стратегия нацизма и фашизма в эпоху постмодерна нацелена на утверждение «ярусной системы жизнеустройства». Такая система неизбежно складывается там, где получает легитимацию право насилия одних людей над другими, основанное на приватизированной презумпции антропологического неравенства [18, с. 58]. Постмодернистская война с гуманизмом превращает государства и народы в средства для осуществления чуждых им глобалистских целей, что противоречит кантовскому категорическому императиву.

Более того, постмодерн, расшатывая гуманистическое мировоззрение, выступает мировоззренческим фундаментом для постгуманизма [19, с. 163]. Постгуманизм, согласно его собственному взгляду, выступает «вторым поколением постмодернизма, которое ведет к окончательной деконструкции человека» [20, с. 25]. Один из ведущих выразителей постгуманизма Р. Пепперел заявляет следующее: «В постчеловеческую эпоху многие убеждения становятся излишними – не в последнюю очередь вера в человека. ... Человеческие существа, как и боги, существуют лишь постольку, поскольку мы верим в их существование. ... Сначала у нас были Бог, люди и природа. Рационалисты отказались от Бога, оставив людей в вечном конфликте с природой. Постгуманисты отказались от людей, оставив только природу» [21, p. 177–179].

А.А. Трунов точен тогда, когда он заявляет о том, что философия постмодерна – это интеллектуальный декаданс, нацеленный на радикальный разрыв с классической философией модерна и всей гуманистической традицией [18, с. 53]. А.В. Бузгалин и А.И. Колганов подытоживают эту точку зрения: «Всем тем, кто не может и не хочет отказываться от гуманизма, с постмодернизмом не по пути» [22, с. 195].

Четвертый удар – по социальному регрессу. Постмодерн, будучи духовным орудием глобализации, парадоксальным образом толкает общество назад, в местную архаику. А.С. Панарин описывает этот механизм так: «глобальное пространство элиты покупается ценой разрушения больших национальных пространств для масс. Чем более элиты глобализуются, тем более

массы "парцеллизируются", погружаясь в архаику примитивного местничества, изоляционизма, трайбализма и натурального хозяйства» [23, с. 26]. В результате глобальная идеология прав человека и мораль «граждан мира» неожиданно легко уживаются с прорвавшимися наружу «демонами племенной архаики». Последние пользуются ослаблением национально-организованных структур, характерных для классического Модерна [23, с. 93]. Что такое архаизация? Это процесс, противоположный модернизации [24, с. 37]. Если традиционализация (другой путь сопротивления модернизации) осознанна, то архаизация – это стихийная реакция людей на изменившиеся, но при этом невыносимые условия жизни [24, с. 39]. Такая реакция помогает выжить, но ценой недоверия к знаниям, расцвета кумовства и клановости [24, с. 40–41].

Вместе с тем, изначально стихийный процесс архаизации порой направляется глобалистскими элитами, которые при этом цинично меняют свою пропаганду: ещё вчера – автономия личности, но уже сегодня – растворение человека в коллективе [23, с. 257–258]. Постмодернистская мысль в странах Третьего мира стирает грань между научно обоснованным знанием, с одной стороны, и народными верованиями или идеологией – с другой. Ключевую роль в этом размывании играет базовый принцип социального конструктивизма, согласно которому любое убеждение считается легитимным исключительно на основе консенсуса внутри сообщества. Сам же этот консенсус определяется не объективной истиной, а соотношением социальных сил, риторическими приемами и устоявшимися обычаями. Подобный подход, маскирующийся под толерантность, на деле лишь создает респектабельный фасад для набирающих силу антимодернистских течений. Эти движения стремятся поставить научную рациональность в подчиненное положение по отношению к местным традициям, тем самым лишая себя возможности для критической оценки этих традиций. Следствием становится консервация таких устоев, которые зачастую дискриминируют женщин и прочие уязвимые группы в незападных культурах [25, р. 75].

Вопреки контрмодернистской пропаганде, Модерн не отменяет премодерн, а диалектически снимает его, продолжая в новом качестве. Сохранять можно, только обновляя, а обновлять – только сохраняя. Поэтому неудивительно то, что модернизация в разных странах обретает национальные черты и не копирует слепо Запад [26, с. 30]. Ш. Эйзенштадт пишет о множественной модернизации, породившей не только западное общество, но и советское, а также другие незападные типы современности [27, р. 1–29].

Философская критика в адрес постмодерна

Философская критика постмодерна и его идеологии подразделяется на онтологическую, логико-гносеологическую, этическую и социально-прогностическую критику.

Двумя столпами *онтологической* критики являются тотализация (интеграция восприятия и действия для управления целостной реальностью [2, с. 642–643]) и эссенциализм (выявление сущности предмета). Именно эти принципы и отвергаются постмодернизмом постольку, поскольку данные принципы разрушают надуманные постмодернистские идейные конструкции. Например, Ф. Джеймисон пытается подвергнуть постмодерн тотализации, что идет вразрез с базовыми установками постмодернистской теории [28, с. 92]. И тотализация, и эссенциализм имеют в социальной философии общий теоретический фундамент – субстанциальный взгляд на историю человечества. Для преодоления постмодернизма требуется субстанциальный подход к обществу как к тотальности [2, с. 721]. Ризоматические модели мира противоречат его реальной – иерархической и централизованной – структуре [29, с. 110]. Как точно замечает Т. Иглтон, «каждый человек является иерархистом, но не каждый – элитаристом. ... Демократия – это не отсутствие ранжирования; напротив, она предполагает приоритет интересов народа в целом над интересами антисоциальных властных групп. ... Просто надо стараться избегать исключения не того, что нужно исключить, или подавления не тех людей, кого нужно подавлять» [15, р. 94–95].

Постмодерн, с его симулякрами, граммами и ризомами, исторически ограничен [3, с. 565] – большинство людей на планете и не думает отказываться от метанарративов [1, с. 173]. Кроме того, многообразная деконструкция тех или иных дискурсов [11, с. 186] игнорирует тот факт, что в основе возможности процессов обучения лежит повседневная коммуникативная практика, которая включает в себя идеализации, содержащиеся в коммуникативном действии [30, с. 212]. Постмодернистская иллюзия независимости языка от жизни возникает потому, что социальное содержание капиталистического производства вступает в конфликт с семиотической системой этого производства (системой знаков и символов). Следствием этого конфликта становится порождение системных сбоев в коммуникации: возникают устойчивые неверные толкования, логически несовместимые инструкции и искаженные, неестественные смысловые связи. [31, р. 66]. Не языковые игры создают общество, а общество создает язык. Провал западной политкорректности – лучшее тому подтверждение: даже языковой «террор» не способен до конца подчинить реальность тем или иным искусственным рамкам.

Логико-гносеологическая критика вскрывает внутреннее противоречие постмодернизма – знаменитый парадокс лжеца. «Упразднитель» метанарративов Ж.-Ф. Лиотар сам создал популярнейший метанарратив [2, с. 62]. Кроме того, «убивая» автора, теоретики постмодерна, по сути, отрекаются от самих себя [1, с. 159, 189].

Наука, замкнутая в локальных языковых играх, теряет тот смысл, который она веками черпала в поиске истины. На вопрос Лиотара о легитимации знания есть ответ. Внешняя основа легитимации знания – это общественно-историческая практика (в ее марксистском понимании). Внутренней же основой такой легитимации выступает субстанциальное объяснение, которое позволяет «доказать доказательство», делая теорию в известном смысле причиной самой себя.

Субстанция – это система, поэтому ее познание требует системы категорий, а не нарочитой бессистемности постмодернизма. Субстанциальное объяснение неразрывно связано с эмпирикой частных наук и фактами жизни. Только так можно преодолеть постмодернистское «философское необобщение» разрозненных исследований [22, с. 175].

Что касается *этической* критики постмодерна, то Ф. Джеймисон отрицает ее уместность: «Если постмодернизм – это исторический феномен, значит попытка концептуализировать его в категориях моральных или морализирующих суждений должна быть в конечном счете определена в качестве категориальной ошибки. ... Маркс убедительно призывает нас делать невозможное, а именно ... схватывать в одно и то же время и в одной и той же мысли несомненно пагубные черты капитализма вместе с его удивительной освободительной динамикой. ... Соскакивание с этого сурового диалектического императива и возвращение к более удобной моральной позиции – дело вполне естественное и более чем человеческое, но все же неотложность проблемы требует, чтобы мы по крайней мере предприняли некоторую попытку помыслить культурную эволюцию позднего капитализма диалектически, то есть одновременно как катастрофу и прогресс» [2, с. 158–160]. Далее Ф. Джеймисон вообще заявляет о том, что диалектика располагается «по ту сторону добра и зла» в том смысле, что она с легкостью принимает любую из сторон, и отсюда проистекает «ледяной и нечеловеческий дух» ее исторической оптики [2, с. 186]. Однако здесь Джеймисон не прав. К. Маркс исследовал восходящий капитализм, а постмодерн знаменует собой закат капиталистической системы. Диалектика разложения – не то же самое, что диалектика восхождения. То, что было прогрессивным, на нисходящей ветви становится реакционным. Дальнейший

прогресс связан уже не со старой системой, а с новой, рождающейся в ее недрах. Кроме того, капитализм – это сложная, саморазвивающаяся, человекомерная система. Постнеклассическая рациональность, изучающая такие системы, не может находиться «по ту сторону добра и зла», так как она тоже по необходимости человекомерна. Отказ от этической оценки здесь просто антитеоретичен.

Как отмечает А.С. Панарин, прогрессистский вектор времени в латентной форме нёс в себе традиционную нравственность, однако постмодернистская «профилактика» уничтожила в культуре иерархию – исчезли верх и низ. Прямым следствием этого стали изменения в наших повседневных социальных и культурных практиках [23, с. 23]. Деструктивное для нравственности воздействие постмодернизма обусловлено весьма специфической этикой – постмодернисты «подозревают добродетель в тоталитарной догматической нетерпимости, тогда как пороку приписывают циничную терпимость и всеядность» [23, с. 215]. Этическая критика в адрес постмодерна требует наличия развитой онтологии морали: недостаточно просто замечать несправедливость – нужно действовать, однако для действия необходимы ориентиры, которые помогут выбрать самое справедливое решение [32, р. 117]. В силу этого, критический подход к исследованию морали должен быть гетерономным.

Что же касается *социально-прогностической* функции философии, проявляемой применительно к вопросу о культурных тенденциях, то следует помнить о том, что новый тип культуры рождается только вместе с новым способом производства. Д. Белл справедливо отмечает следующее: «проблема ... заключается в том, может ли культура вновь обрести связность – причем связность жизнеобеспечения и опыта, а не только формы» [33, р. 119]. Ф. Джеймисон не менее точен: «Новая культура действительно могла бы возникнуть только в коллективной борьбе, направленной на создание новой социальной системы» [2, с. 62].

Целостный образ новой культуры сложится в ходе истории, но некоторые его черты можно предсказать уже сейчас. А.С. Панарин пишет о грядущем наполнении культуры новым содержанием классических ценностей – автономии, самоопределения, самореализации, что потребует от людей внутренней сосредоточенности и самодисциплины [23, с. 389]. М.В. Рендл предсказывает отказ от увлечения играми и рассмотрение социокультурной темпоральности в виде совокупности проектов [34, с. 29–30].

Заключение

Постмодернизм невозможно преодолеть без теоретического и практического применения субстанциального подхода к обществу. Этот подход требует более высокой интеллектуальной культуры, чем простое изобретение модных терминов, значения которых отражают всего лишь те или иные случайные черты реальности. Помимо прочего, формирование указанной интеллектуальной культуры потребует дальнейшей разработки проективной онтологии и гносеологии – онтологии и гносеологии праксиса, отрицающей постмодернистский примат случайности в человеческой деятельности.

Преодоление постмодерна не является диалектическим снятием постмодерна – снятие предполагает частичное сохранение того, что снимается. Постмодерн же, хотя и вызревает в недрах Модерна, является, как правило, всего лишь пустым, антидиалектическим отрицанием последнего – и потому постмодерн не обладает тем исторически значимым конструктивным содержанием, которое можно было бы подвергнуть диалектическому снятию. Преодоление постмодерна достигается в процессе снятия в более сложном типе культуры не самого постмодерна, а Модерна – основного исторического типа культуры капитализма.

Список литературы

1. *Кутырев В.А.* Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века). СПб.: Алетея, 2018. – 526 с.
2. *Джеймисон Ф.* Постмодернизм или Культурная логика позднего капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. – 808 с.
3. *Харви Д.* Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. – 576 с.
4. *Губанов Н.И.* Нищета философии постмодернизма // Философия и общество. 2007. № 1. С. 54–69.
5. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.-СПб.: Институт экспериментальной социологии, Алетея. 1998. – 160 с.
6. *Parfitt T.* The End of Development? Modernity, Post-Modernity and Development. London: Pluto Press, 2002. – 177 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt18fs4cm>
7. *Clem S.* Post-Truth and Vices Opposed to Truth // Journal of the Society of Christian Ethics. Vol. 37. No. 2 (Fall / Winter 2017), pp. 97–116. DOI: <https://doi.org/10.1353/sce.2017.0035>
8. *Фуллер С.* Постправда: Знание как борьба за власть / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 368 с.
9. *Коряковцев А.А., Вискунов С.В.* Марксизм и полифония разумов: Драма философских идей в 18 главах с эпилогом. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. – 684 с.
10. *Рендл М.В.* От модерна к постмодерну: социокультурные основания парадигмальных изменений. Дисс. на соиск. уч. степ. д. филос. н. Ростов-на-Дону, 2017. – 359 с.
11. *Деррида Ж.* О грамматиологии. М.: Ad Marginem, 2000. – 511 с.
12. *Барт Р.* Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. – С. 384–391.

13. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
14. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.
15. Eagleton T. The Illusions of Postmodernism. Oxford, UK; Cambridge, Mass.: Blackwell Publishing, 1997 – 160 p.
16. Meiksins Wood E. What Is the "Postmodern" Agenda? // In defense of history. Marxism and the postmodern agenda. New York: Monthly Review Press, 1997. – Pp. 1–16.
17. Мартыанов В.С. После постмодернизма // Вестник НГУ. 2012. Т. 10. Вып. 3. С. 64–73.
18. Трунов А.А. Постмодернизм как неогностический проект: опыт философской деконструкции // Наука. Искусство. Культура. 2019. № 3 (23). С. 45–74.
19. Криман А.И. Философия постмодернизма как условие возникновения постгуманизма // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19. № 3. С. 161–174. DOI: <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2021-19-3-161-174>
20. Феррандо Ф. Философский постгуманизм. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 360 с.
21. Pepperell R. The Posthuman Condition. Bristol, Portland: Intellect Books, 2003. – 203 p. DOI: <https://doi.org/10.1162/leon.2004.37.4.347a>
22. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. Т. 1. М.: ЛЕНАНД, 2015. – 640 с.
23. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Эксмо, Алгоритм, 2003. – 415 с.
24. Золотухина-Аболина Е.В. Модернизация – архаизация – имитация: кто «правит бал»? // Философские науки. 2012. № 5. С. 37–43.
25. Nanda M. Against social de(con)struction of science: cautionary tales from the third world // In defense of history. Marxism and the postmodern agenda. New York: Monthly Review Press, 1997. – Pp. 74–97.
26. Федотова В.Г. Архаизация в современном мире // Философские науки. 2012. № 5. С. 26–36.
27. Eisenstadt S. Multiple Modernities // Dædalus. Winter 2000, Vol. 129. No 1. Pp. 1–29.
28. Вахрушева Е.А. Постмодернистский неомарксизм Фредрика Джеймисона // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2015. Том 15. Вып. 2. С. 86–98.
29. Мехрякова Н.М. Человек в категориальной модели мира // Новые идеи в философии. Вып. 16. Пермь. Пермский государственный университет. 2007. С. 97–113.
30. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. Пер. с нем. 2-е изд., испр. М.: Издательство «Весь Мир», 2008. – 416 с.
31. Berardi F. The Soul at Work: from Alienation to Autonomy. Los Angeles: Semiotext(e). 2009. – 232 p.
32. Held J. Is there a future for Marxist humanism? Milwaukee: Marquette University, 2005. – 241 p.
33. Bell D. The cultural contradictions of capitalism. New York: Basic Books Inc. Publ. 1978. – 301 p.
34. Рендл М.В. Постмодерн: продолжение социокультурной парадигмы или ее завершение? // Общество: философия, история, культура. 2019. № 3 (59). С. 28–31. DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2019.3.4>

MAIN AREAS OF CRITICISM DIRECTED AT POSTMODERN CULTURE

Yuri V. Loskutov

Perm State National Research University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia
yuri-loskutov@mail.ru

Today, it is becoming increasingly relevant to analyze the main lines of criticism directed at postmodern culture, which is disrupting society. First of all, this criticism can be divided into socio-political and philosophical. Socio-political criticism of postmodernity is a synthesis of four lines. The first is a critique of the conformist ignorance imposed by postmodernity. The second line is directed against its anti-democratic tendencies, and the third against its dehumanizing tendencies. The fourth line of socio-political criticism of postmodernity is directed at its contribution to social regression. Philosophical criticism of postmodern culture and postmodernism as its dominant ideology can be considered in ontological, logical-gnoseological, ethical, and socio-prognostic terms. Ontological criticism is based on the principles of totalization, essentialism, and a substantialist approach. From a logical-epistemological point of view, postmodernism is based on the liar's paradox: the denial of metanarratives itself becomes a metanarrative. The real external basis for the legitimization of scientific truth is socio-historical practice (in its Marxist understanding), and the real internal basis for the legitimization of scientific truth is a substantial explanation. Ethical criticism of postmodernism is justified in light of scientific consideration of the decline of the capitalist mode of production – a complex, self-developing, human-centered system. Heteronomous affirmation of virtues contrasts with postmodern ethical arbitrariness. From a socio-prognostic point of view, the formation of a new, non-postmodern type of culture is inextricably linked to the formation of a new holistic mode of production. At the same time, an analysis of the destructive attitudes of postmodern culture leads to the conclusion that overcoming postmodernism is a dialectical removal of Modernism, and not of postmodernism as such.

Keywords: postmodernity, postmodernism, metanarrative, capitalism, essentialism, ethics, humanism